

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантасмагории в бременском винном погребе. Осенний подарок друзьям вина, стр. 4

наслаждением исполнял подчиненную роль казака, в то время как другие дрались, изображая генералов – Платовых, Блюхеров, Наполеона и им подобных. Разве не случилось мне в угоду другу быть порой лошадь? Господи, как чудесно там игралось!

Где они, друзья нашего детства, товарищи тех золотых дней, когда ни чин, ни звание, ни титулы не играли роли? Графы и бароны, надо думать, проводят ныне время, путешествуя по свету, или служат при дворе камергерами; бедняки в качестве подмастерьев бродят по Германии, босиком, с тяжелой котомкой за плечами, охотятся у дверей карет за пфеннигами и ловят их на лету в свои потемневшие от дождя шляпы, и, часто случается, любовное томление ложится на их плечи еще большим бременем, чем котомка. Другие товарищи, те, что преуспели в классической словесности благодаря аккуратности и прилежанию в школе, стали пасторами и сидят в шлафроке или стихаре около своей женушки. Другие теперь чиновники, еще другие аптекари, кое-кто референдарии или еще что-нибудь в том же роде. И только мы с тобой, моя душа, сойдя с обычной стези, сидим здесь, в бременском винном погребе и наслаждаемся вином. Но кем же особенным мы стали? Доктором? Им может стать всякий, у кого хватит ума написать диссертацию.

Однако, душа, я осушаю уже четвертый бокал. Четвертый! Чувствуешь ты некую связь между вином и языком? Между языком и глоткой? Я утверждаю, что здесь перекресток, и тут же у него указатель. На одной стороне написано: «Дорога в желудок». Эта широкая проезжая дорога идет под гору, так и катится, так и катится, так и скользит все по ней. Поэтому более грубая пища обычно отправляется по этой дороге. Другая табличка указателя гласит: «Дорога в голову». По ней отправляются винные духи, изрядное время уже проскукавшие в бочке с презренной грубой материей, и теперь, когда им предоставлена свобода, они посматривают на табличку, указывающую путь направо и вверх. В то время как вино сплошным потоком устремляется налево и вниз, винные духи поднимаются вверх и попадают в гостиницу под вывеской «Седалище души». Эти духи – мирный, разумный народ. Они вносят свет в твой дом, душа, пока их всего четверо или пятеро, потом я уж за них не поручусь, они могут содействовать драке и всяческое бесчинство.

Как прекрасен четвертый период жизни, который мы начали с четвертым бокалом! Нам с тобой четырнадцать лет, о душа! Но как все изменилось за этот короткий срок! Детские игры, солдатки и всякий прочий хлам далеко позади, и мы с тобой, как мне вспоминается, читаем запоем. Теперь мы уже добрались до Гете и Шиллера, мы глотаем их, хоть и не все нам понятно. Или это не так? Нам с тобой уже все понятно? Ты хочешь сказать, что в те годы я уже мог понять любовь, если в прошлое воскресенье на вечеринке поцеловал в темном углу за комодом Эльвиру и отверг нежности Эммы? Варвар! Ведь мог же я предположить, что эта тринадцатилетняя девочка тоже читала «Вертера» и даже кое-какие сочинения Клауэрена и почувствовала ко мне любовь. Но сменим декорации. Привет тебе, горная долина, привет тебе, голубая многоводная река! На твоём берегу я провел три долгих года. Прожил те годы, за которые мальчик становится юношей. Привет тебе, монастырский приют, и тебе, крытая галерея с портретами умерших настоятелей, и тебе, церковь с замечательным алтарем, привет и вам, чудесные ландшафты, купающиеся в золотом сиянии утренней зари! Привет вам, замки на скалах, пещеры, долины, зеленые леса! Те долины, те стены монастыря были тесным гнездом, растившим нас, пока мы не оперились, а суровому горному воздуху мы обязаны тем, что не стали неженками.

Я приступаю к пятому бокалу, к пятому столетию нашей жизни. Я медленно прихлебываю благородное рейнское вино и впитываю вас капля за каплей, любезные сердцу воспоминания, вы расцветаете, о годы моей юности, вы источаете чудесное благоухание, подобное тому аромату, что исходит из моего бокала. Взгляд мой повеселел, о душа, ведь вокруг друзей моей юности! Как назвать мне тебя, жизнь студенческих лет – ты и возвышенная, благородная, ты и грубая, варварская, и милая, и беспорядочная, и мелодичная, и отталкивающая, и все же такая приятная и живительная! Как описать мне вас, золотые часы, ликующие звуки братской любви? В каких тонах говорить о вас, чтобы меня правильно поняли? Какими красками изобразить тебя, никем не постигнутый хаос? Мне, мне описать тебя? Ни за что на свете. Твоя смехотворная сторона у всех на виду, она не скрыта от «непосвященных», ее описать можно, но твое внутреннее обаяние знает только рудокоп, который в братской компании спустился с песней в шахту. Золото, вот что принесет он наверх, только чистое золото. Много или мало, не важно. Но это еще не все то ценное, что он добыл. Он не расскажет постороннему, что видел, для слуха непосвященного это прозвучало бы и слишком необычно, и все же слишком изысканно. Там, в глубине, живут духи, не доступные ни зрению, ни слуху постороннего. Там, в подземных залах, звучит музыка, но прозаический слух человека рассудочного воспримет ее как пустую, ничтожную. Но тот, кого она заберет за живое, кто сам запоет вместе с ней, ощутит своеобразное посвящение, даже если он и усмехнется тому, что его фуражка, которую он сохраняет как символ, продырявлена. Старенький мой дедушка! Теперь я знаю, о чем ты думал, когда «барин справлял свой високосный день». У тебя тоже были милые сердцу друзья юности, я знаю, почему дрожала слеза на твоих седых ресницах, когда ты добавлял еще один крест в книгу для памятных записей. Они живы!

Брось, брат, эту бутылку, начнем новую для новых радостей. Наполним шестой бокал! Кто может уразуметь тебя, о любовь?!

Мы были не первые и не последние. Мы читали о любви и думали, что любим. Всего удивительнее и, однако, всего естественнее, что фазы или стадии такого рода любви отражали прочитанное. Разве не рвали мы незабудки и лютики и не преподносили робко букетики докторской дочке в Г., разве не выжимали из глаз слезу только потому, что прочитали: «В полях срывает он лилею и молча преподносит ей...», «...и тайно слезы льет в тиши...»? Разве не любили а la Вильгельм Мейстер, то есть не знали, кого мы любим – Эммилину или нежную Камиллу, а то и Оттилию? Разве они все три в изящных ночных чепчиках не подсматривали из-за спущенных штор, когда зимой мы пели у них под окном серенаду и бойко перебирали струны гитары окоченевшими на морозе пальцами? А потом, когда выяснилось, что все они бездушные кокетки, разве мы не кляли тогда безрассудно любовь и не зареклись жениться до тех пор, пока швабы не поумнеют, то есть не раньше сорока лет?

Кто может уразуметь тебя, о любовь? Кто может заречься любить? Ты возникаешь в глазах любимой и через наши глаза украдкой пробираешься в сердце. И все же ты могла так холодно слушать те песни, что я тебе пел, ты не хотела отвечать на взгляды, что я так часто тебе посылал! Мне хотелось быть генералом только ради того, чтобы она с замиранием сердца прочитала в газете мою фамилию: «Генерал Гауф отличился в последнем бою, в сердце ему попало восемь пуль – но он остался жив». Мне хотелось быть барабанщиком только ради того, чтобы у дверей ее дома дать волю своему горю в оглушительной барабанной дробе, а если она в испуге выглянула бы из окна, я поступил бы как раз обратно тем русским барабанным удальцам, которые так наяривают, что ушам больно, я бы, наоборот, от фортиссимо перешел в пиано и в тихом адажио барабанной дробе нашептывал ей: «Я люблю тебя!» Мне хотелось бы стать знаменитым только ради того, чтобы слух обо мне дошел до нее и она с гордостью подумала: «Когда-то он был влюблен в меня». Но, увы! Люди не говорят обо мне, самое большее ей завтра скажут: «Вчера он опять до полуночи валялся в винном погребе!» Добро бы еще я был сапожником или портным! Но это пошлая мысль, недостойная тебя, Адельгунда!

Теперь, верно, в городе уснули все, не спят только двое – самый высокий и самый низкий: сторож наверху, на соборной колокольне, да я внизу, в погребе. Ах, почему я не на колокольне! Каждый час я брал бы рупор, и к тебе в спальню слетала бы моя песня. Но нет! Ведь я нарушил твой сон, мой нежный ангел, пробудил бы тебя от сладких, приятных грез. Здесь же, внизу, меня никто не слышит, итак, я затаю свою песню. Душа! Разве я не подобен солдату, стоящему на посту, чье сердце исходит тоской по родине? И разве эту песню сложил не один из моих друзей?

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)